

ОБСУЖДАЕМ МАТЕРИАЛЫ "КРУГЛОГО СТОЛА"

А.Ю. Юрганов **ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ**

Как организатор "круглого стола", я, прежде всего, хотел бы уведомить читателя о том, каким образом он задумывался. Была запланирована не широкая по составу участников беседа специалистов, занимающихся историей России и проблемами ее культуры. Хотелось осмыслить те общие вопросы, которые могли бы подготовить нас к более обстоятельной конференции, планируемой на весну 2001 года и посвященной сравнительно-историческому изучению культурно-исторического опыта Западной Европы и России. Существенно и то, что приглашенные специалисты выражают разные взгляды, отличаются по стилистике мышления, приверженности тому или иному научному направлению и т.д. То есть планировалось "столкнуться" - и само столкновение было необходимо, чтобы испытать на себе пульс современной гуманитарной мысли, свободной и раскованной.

Мы не планировали теоретического или практического успеха. Обсуждение без оглядки на некоторые академические условности, живая беседа между людьми, которых профессионально интересует русская культура — это то, что открыло нам "поле эксперимента", где нет "правильных" или "неправильных" решений, зато обнажаются скрытые прежде сомнения, вопросы, раздумья, некоторые из них потом могут помочь совершить осмысленные и уверенные исследовательские шаги. Если хотите, эта живая беседа открывает своеобразное научное "подсознание", потому что ни в одной научной статье никто не станет откровенно писать о том, что для него реально существует, а что не существует, что он может понять, а что нет, что принимается на веру, а что отвергается и т.д. Мы позволили себе "открыться" перед читателем и откровенно поговорить о наблевшем.

У некоторых историков, изучающих Западную Европу и выступавших на заседании редколлегии "Одиссея" по поводу материалов нашей дискуссии, возникли серьезные замечания. Пожалуй, наиболее существенное заключалось в том, что один из центральных вопросов - о "метафизической целостности" русской культуры - сформулирован не вполне корректно, ибо такой целостности не существует. С этим замечанием я, как это ни парадоксально, согласен и не согласен одновременно. Возвращаясь мысленно к началу "круглого стола", я ощущаю потребность задать тот же вопрос, хотя понимаю, что вновь не получу ответа... С одной стороны, конечно, всю русскую культуру невозможно

измерить, ощутить, понять как данность. В ней можно только пребывать, понимая, ощущая ее изнутри. Однако вопрос ставился в иной плоскости. Самоизменяющаяся природа человеческого восприятия предполагает не только движение как некий универсальный механизм истории, но и нечто, что не изменяется. Диалектическая логика, о которой в свое время писал еще А.Ф. Лосев, предполагает, что если что-то изменяется, находясь в стадии становления, то это означает, что есть нечто неизменное. Потому и возможна история как таковая. Тут возникает трудно разрешимая загадка: что же тогда неизменного в русской культуре, прошедшей через множество стадий самоизменения? На этот вопрос мы так и не ответили.

Однако едва ли плодотворно отрицать вообще, что "русская культура" как таковая существует. Язык - основание любой метафизической целостности, и история культуры как история смыслополагания человека начинается с того, что обнаруживается в эпицентре - в языке, создающем мифическую реальность бытия как подлинную реальность.

Историю русской культуры можно написать как историю отдельных периодов, сюжетов, фрагментов, "концептов", как историю культурных достижений, в конце концов. Другая тенденция - о "русской культуре" пишут философские труды, где ответов гораздо больше, чем вопросов, где торжествует дух познанного целого. Но природа научного знания, с моей точки зрения, заключается в том, что никогда не следует замыкать этот круг, не превращать себя в заложника уже известного, а потому бесспорного. Самые трудные вопросы - детские. И они провоцируют нас думать, искать, даже тогда, когда неверный путь очевиден. Специалисты по истории Западной Европы закономерно возражали, что тысячелетняя история западноевропейского региона никак не может быть представлена в категориальном плане (речь шла о французской культуре). Но и при таком очевидном ("правильном") факте, с которым я не могу не согласиться, хотел бы возразить моим коллегам, что Россия обладает своим уникальным опытом такого социокультурного существования, которое практически оставалось неизменным в своих базовых ценностных ориентациях на протяжении веков. Я имею в виду русскую общину. Ее возраст поистине велик, она старше государства, первых русских князей, она пережила великие потрясения - завоевание Руси монголами, становление Русского государства и превращение его в империю, она испытала первые попытки себя разрушить, и даже после отмены крепостного права не только не ощутила в себе слабость, дряхлость, а напротив - усилилась так, что радикальный поворот к утверждению частной собственности, намеченной реформами П.А. Столыпина, не привел ее к самоуничтожению. Могут ли историки-западники найти во французской или иной истории западной страны нечто подобное?.. А ведь одно то, что при такой относительной неизменности русской общины в Центральной России само русское общество (условно говоря, городской социум) постоянно изменялось, доходя в этом самоизменении до идей узаконения частной собственности собствен-

ности, утверждения правового государства (М.М. Сперанский), - разве не недостаточное основание, чтобы обсуждать проблему "Востока-Запада" в русской истории, в которой убывание социально-психологической гомогенности - уже некая метафизическая реальность?

Опять вопросы. Видимо, в них сокрыто какое-то сильно действующее лекарство, при помощи которого можно, в конце концов, преодолеть нечто в самом себе и на время почувствовать себя "здоровым", полным решимости и желанием прийти к ответам. Ведь "ответ" - прямой путь к болезни, особенно если ответ видится уже окончательным.

Другое замечание, хотя и частное, но все же важное. Говоря о культуре средневековой Руси как целостной культуре, я привел слова П.М. Бицилли из книги "Элементы средневековой культуры". Современная медиевистика уже не считает позицию Бицилли верной, находя множество исключений, которые никак не вписываются в целостное мировоззрение западного средневековья. Не являясь специалистом в этой области, я полагаюсь лишь на авторитет моих критиков и поэтому готов с этим утверждением даже согласиться (хотя исследовательская интуиция все равно протестует). Меня упрекали в том, что не учтена современная западная эпистемология, которая по существу способствовала упомянутой "переоценке ценностей". Здесь я бы хотел возразить: если изучение русского средневековья приводит исследователя к позиции, которая по разным причинам считается в западной науке не современной, то это еще не значит, что анализ первоисточников необходимо ориентировать на "передовую" теорию (тем более что никакой современной эпистемологии в едином, цельном виде не существует, и мы скорее находим разнородные дискурсы). В свое время выдающийся историк России А.А. Зимин утверждал, что научное творчество должно начинаться с источника, а завершаться обобщением, вытекающим из него, а не наоборот. Хотя эта позиция и не абсолютна в своих параметрах, но в данном случае уместна. История русской науки свидетельствует, что привнесенные в свое время на родную "почву" прогрессивные социологические теории затем превращались в вериги на теле науки. Так произошло с идеей феодализма на Руси. Конкретный анализ всегда, вплоть до первых трудов П.Н. Павлова-Сильванского, доказывал, что нет никаких оснований утверждать, что на Руси могли быть "феодальные отношения". Этот вывод, однако, столь утвердился, что теперь даже убедительные доказательства западных коллег не действуют на многих отечественных специалистов, уверовавших однажды в эту "эпистемологию". Итак, я сохраняю за собой этот "неверный взгляд" не потому, что не верю современной эпистемологии, а потому что считаю, что путь к ней прокладывает анализ первоисточников. И если он ведет к П.М. Бицилли, значит, возможно, для русистики характерен другой взгляд на эту проблему.

Конечно, материал "круглого стола" оказался "пестрым": задуманная разноголосица в суждениях не была скреплена общей концепцией. Нечто похожее на "плавание" в не определенных еще наукой пределах

понимания собственных познавательных возможностей, остается "медицинским" фактом, - с чем, я думаю, согласится каждый участник "круглого стола". Но если бы эта концепция была изначально четко обозначенной, а дискуссия оформлена по законам драматургии, в которой известен результат, то не получилось бы того, что получилось: фотографически точного воспроизведения неких поисков, пусть и не для всех историков России актуальных, но для какой-то части - уж по крайней мере.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что сравнительно-исторические работы могут касаться двух уровней. Конкретно-исторические формы рефлексий в восприятии "другого" исследуются при синхронном хронологическом изучении опыта России и Западной Европы. Первый уровень - это анализ, скажем, сочинений иностранцев о России XVI-XVII вв. и отзывов русских людей, побывавших на Западе. Второй уровень - сравнение асинхронное, но типологически "равное", т.е. сопоставимое. Например, сравнение России XVI в. с эпохой Карла Великого уже не раз проводилось разными историками. На этом уровне сравнения главная трудность - репрезентативность выводов, поскольку не вполне ясно, что при сравнении допустимо, а что нет. Именно в этом ключе, как мне думается, и следует рассматривать поиски основы для сравнительно-исторического метода. Если христианский универсум как моделирующая, а не только реально мыслимая система, сыграла свою роль в создании миропорядка, то весьма перспективно это "единое" начало уловить в источниках. Сколько угодно эти универсумы могут разнообразно претворяться в жизни Западной Европы и России, вплоть до отрицания их самих, но миропорядок в своих высших проявлениях не мог быть нехристианским в условиях жизненного и мыслительного пространства, которое по разным причинам мы называем "средневековым". В данном аспекте мы получаем в качестве репрезентирующей основы сравнения тексты Священного писания, - в принципе "общие", интерпретация которых, как и анализ воплощения тех или иных идей, христианских "концептов", отрывает путь к реальной типологии. Над этим еще предстоит подумать - перспектива сравнительно-исторического познания никогда не будет исчерпана: только сравнивая, мы глубоко познаем собственный культурный опыт.